

Егёль моргнул, ошеломлённый словами Чэ Халяня.

— Т... торговец? — выдохнул он. — Ты стал торговцем?

Это было поразительнее, чем само падение Куньлуня.

Вообразить Чэ Халяня — не воина, не ученика Куньлуня, а простого торговца — казалось невозможным.

Проще было поверить, что вся секта погибла, чем принять такое.

Говорят, ребёнок растёт не по воле родителей, а по собственной — но это было уже нечто за гранью разумного.

Куньлунь никогда бы не отпустил такого гения, как его старший брат.

После демонического вторжения секта нуждалась бы в каждом крошечном куске таланта Халянч, чтобы возродиться.

— Что случилось в тот день? — торопливо спросил Егёль. — Твой дантянь был разрушен? Или... это какая-то неизлечимая рана?..

В панике он резко сел и потянулся вперёд, пытаясь ощупать Халяня — поразительно ловко для человека, которого врачи сочли безнадёжным.

Халянь, застигнутый врасплох такой внезапной реакцией, позволил ему.

Егёль подался вперёд на коленях, но, потеряв равновесие у края постели, почувствовал, как тело опрокидывается.

Даже для эспера двигаться вслепую было испытанием — он не мог удержаться.

Он падал.

— ...Егёль!

Его лицо уткнулось прямо в грудь Халяня.

Пальцы зацепились за ткань — и, пытаясь не упасть, он понял, что непреднамеренно порвал её.

И тогда осознал — он видит.

— А...

Повязка на глазах ослабла во время суматохи.

Зрение оставалось мутным, но достаточно чётким, чтобы различить обнажённую кожу перед собой.

Белая.

Ученики Куньлуня всегда имели кожу, загрубевшую и обожжённую солнцем — годы тренировок на заснеженных вершинах оставляли след.

Свет, отражённый от вечных снегов, жёг сильнее, чем летнее солнце.

Халянь был одним из самых светлокожих — но никогда таким бледным.

Значит, он и вправду больше не часть Куньлуня...

Безупречная белизна кожи делала это очевидным.

Такое тело не могло принадлежать истинному воину — на нём не было ни одного шрама.

Егёлю охватило странное чувство потери.

— Ты... видишь?

Голос Халяня дрогнул. Он наклонился ближе, и теперь лицо, которое раньше туманилось в воспоминании, проступило ясно.

Мужчина — как изваяние из нефрита, холодный, совершенный.

В прошлой жизни, когда память уже стиралась, Егёль мог видеть это лицо только во сне.

Теперь Халянь казался старше, более зрелым, но то же спокойное, благородное достоинство осталось прежним.

— Я вижу. Немного размыто, но... да.

— Какое чудо... Все врачи говорили, что ты больше никогда не увидишь.

Облегчение, недоверие, радость, растерянность — всё смешалось на лице Халяня.

Егёль жадно ловил глазами каждую деталь.

Даже став торговцем, он не растерял выучку: под разорванной тканью грудь оставалась крепкой, а рефлексy — прежними. Он поймал Егёля прежде, чем тот упал.

Он стал торговцем, потому что потерял внутреннюю силу?

Егёль, не имея собственного даньтяня, не мог ощущать энергию других.

Даже в прошлой жизни, обучаясь боевому искусству, он так и не смог постичь истинную глубину силы Халяня.

— Я сейчас же приведу лекаря, — сказал тот. — Сначала перевяжем глаза заново. Нет — сначала закрой их.

Егёль послушно опустил веки.

Он чувствовал, как руки Халяня, осторожные, но напряжённые, вновь оборачивают повязку.

Даже в спешке движения оставались точными — только пальцы дрожали.

Про Куньлуня я спрошу потом, решил Егёль.

Сейчас главное — восстановиться.

Его гид, каким бы спокойным он ни казался, выглядел слишком хрупким, будто мог упасть в обморок от волнения.

Любой эспер знал: рядом с гидом нужно быть мягким и безобидным.

Те, кто проявлял жадность слишком рано, часто оставались брошенными — и потом могли сожалеть об этом всю жизнь.

Егёль не собирался становиться одним из таких глупцов.

— Ах... умираю прямо здесь, — пробормотал он, слабо улыбаясь.

— Проверь его пульс.

раздался рядом новый женский голос, лёгкий и насмешливый, мгновенно разрушивший напряжённую тишину.

Услышав незнакомку, Егёль инстинктивно напрягся, но спокойный шёпот Халяня тут же его успокоил:

— Это Самран. Она не причинит тебе вреда.

— Привет. Я... кхм... Самран, помощница нашего господина, — представилась женщина.

В тот момент Егёль снова ясно осознал — это не Куньлунь.

Среди Девяти Великих Сект — Куньлуня, Шаолиня и Удана — не принимали женщин в ученицы.

— Я не против осмотра, но... — он запнулся, затем добавил тихо:

— Мой старший брат мог бы... поддержать меня за руку, пока вы будете смотреть?

Наполовину всерьёз, наполовину в шутку.

Он говорил себе, что это просто естественное желание больного искать утешения, но в глубине души знал — не хотел отпустить.

Даже с завязанными глазами он ощущал присутствие своего гида, как птица чувствует ветер.

— Это не будет слишком навязчиво?

— Конечно, нет, — мягко ответил Халянь.

Он подошёл ближе, взял Егёля за руку и помог приподняться.

Егёль слегка откинулся назад, опираясь на его грудь, и ощутил надёжное, тёплое спокойствие.

— Хорошо, сейчас я проверю твой пульс. Не пугайся, — сказала Самран.

Её пальцы оказались ледяными, прикосновение вызвало дрожь по всему телу.

Егёль позволил ей взять пульс только потому, что рядом был Халянь — иначе, возможно, инстинктивно отпрянул бы.

— Ох? Неужели я и вправду такой талантливый лекарь? — в её голосе звучала лёгкая насмешка, совсем неуместная при осмотре.

— Твои меридианы раньше были полностью искажены, а теперь, после нескольких дней отдыха, почти в норме! Даже кости срослись. Как странно...

— Значит, он исцелился? — спросил Халянь, и в голосе его послышалась сдержанная надежда.

— Немного слаб, но да — как человек после тяжёлой простуды. Немного размяться на тренировочном дворе, как следует вспотеть — и будет здоров!

От этого абсурдного «назначения» Егёль едва не фыркнул.

Он всерьёз начал сомневаться, что Самран вообще врач. Неужели Халянь пригласил в дом самозванку?

— Нужно осмотреть и его глаза. Где ближайший лекарь?

— Ближайший — в Хунье, три дня пути, если ехать без остановок.

Хунье... Незнакомое название. Егёль молча слушал.

— Разве не было одного ближе, в день пути отсюда? — спросил Халянь.

— Был, но после нападения шайки несколько дней назад он перебрался в Сычуань. Мир сошёл с ума — нигде больше не безопасно, — вздохнула Самран, цокнув языком.

— Тогда отправь людей в Хунье. Если усомнятся, скажи, что я дал разрешение.

— Да, господин.

Она ушла. Щелчок двери подтвердил её уход.

— Значит, эта женщина не врач? — спросил Егёль.

— Нет, — ответил Халянь, — хотя у неё много навыков. Она помогает мне в торговых делах.

— Давно ты её знаешь?

На мгновение рука Халяня, лежавшая на плече Егёля, застыла, а потом мягко опустилась.

— Ты... очень любопытен, — произнёс он тихо, без упрёка, словно сам с собой.

Егёль почувствовал, как сердце пропустило удар, но когда Халянь погладил его по волосам, он расслабился.

— Несколько лет, — добавил тот.

Несколько лет.

Слишком неопределённо, без точности — не то чтобы Халянь что-то скрывал, просто, похоже, это не имело для него особого значения.

Любопытство Егёля только усилилось.

Сколько же времени прошло с моей смерти?

Он не мог дожидаться приезда настоящего лекаря.

Когда снимут повязку, когда он снова сможет взглянуть в глаза старшему брату — он спросит обо всём.

О каждом вопросе, что до сих пор оставался несказанным.

Егёль сжал руку Халяня покрепче.

— Побудь со мной, пока я не усну.

Сон вновь подступал — мягкий, тяжёлый, как туман.

Перед тем как погрузиться в темноту, Егёль успел заметить сквозь повязку лёгкий кивок силуэта Халяня.

На губах Егёля появилась слабая улыбка, и он провалился в сон.

Халянь долго смотрел на него, на мирное выражение лица, на мягкий изгиб губ, пока тени не удлиннились и за окном не начал сгущаться вечер.

Он поднял свечу, оставленную кем-то из слуг, и поставил её рядом с кроватью.

Но, потянувшись за спичкой, не нашёл ни одной.

Тихо цокнул языком, глядя на незажжённый фитиль.

Он мог бы пойти зажечь её... но вспомнил данное обещание.

Я не оставлю его одного.

Убедившись, что повязка на месте, Халянь поднял руку.

И в его ладони, в чистом воздухе, вспыхнуло пламя.

Сам-ма-джин-хва — Истинное Пламя Тройного Сосредоточения.

Лишь мастера, достигшие глубочайших уровней внутреннего совершенства, могли управлять им.

И вот Чэ Халянь — тот самый «падший ученик Куньлуня» — вызывает это божественное пламя... просто чтобы зажечь свечу.

Осторожно, чтобы не разбудить Егёля, он коснулся живым огнём фитиля.

Когда свеча вспыхнула и её мягкий свет разогнал тьму, Халянь позволил пламени на своей ладони угаснуть.

Он сел у кровати, и колеблющееся свечение легло тёплым золотом на спящее лицо Егёля.

Впервые за долгие годы на него снизошло спокойствие — такое тихое, будто весь хаос и шум его жизни растворились без следа.

Он часто ловил себя на мысли:

Если бы тот мальчишка выжил... если бы вырос как обычный ученик... кем бы он стал?

Эта привычка — одна из немногих, что приносили утешение.

Он не мог представить собственного будущего, поэтому долгие, одинокие годы заполнял мечтами о чужом.

Возможно, именно поэтому, когда они встретились вновь, он узнал Егёля мгновенно — не как ребёнка, а как человека, который жил, страдал и выстоял.

Что же ему довелось пережить за это время?..

Халянь так и не смог принять смерть ученика.

Он никогда не ходил искать тело — не осмелился подтвердить то, чему сердце отказывалось верить.

Когда наконец обрёл свободу, возможность сделать выбор, — было уже слишком поздно.

И потому он похоронил того мальчика — вместе с памятью о кровавом дне — глубоко в сердце, не надеясь, что когда-нибудь увидит его вновь.

Но теперь он был здесь — живой.

Израненный, искалеченный, против всякого здравого смысла.

Его тело хранило следы насилия, меридианы были изломаны, даньтянь разрушен, а сила, некогда яркая, превратилась в слабость.

Его юность застыла, а глаза... полны теней кошмаров, рожденных из мрака.

И это невозможное выздоровление...

— Спи спокойно, — прошептал Халянь, и его холодные глаза смягчились, когда он провёл ладонью по щеке Егёля.

— Больше никакой боли. Больше никаких кошмаров...

Он не помнил ни одной колыбельной, достойной того, чтобы её спеть.

Но если бы мог разорвать тьму, что преследовала его младшего во сне, — этого было бы достаточно.

Для Чэ Халяня — этого было достаточно.

<http://bllate.org/book/12382/1104349>